

Надежда ПТУШКИНА

КНЯЗЬ И ХОЗЯЙКА

Драма

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Глубокая тьма.

И во тьме голос Михаила : “ И услышал я Твоё Слово, Господи!..”

Вдали вспыхивает маленький, но очень яркий огонь.

ГОЛОС МИХАИЛА. Это было Слово....Вначале Слово...

Огонь, что вдали, невелик, но распространяемого им света довольно, чтобы выбрать из тьмы Михаила в полной одежде и во всеоружии русского воина XIII века.

МИХАИЛ. (как вестник Слова Божьего) Любое беспокойствие и войны, или, иные беды, не случайны. Всё это волею Всемогущего Бога попускается за грехи наши. Чтоб мы приходили в сознание и исправление. Сначала - малые наказания: мятежи, голод, неоправданные смерти, междоусобные войны и тому подобное. Если же этим грешники не исправляются, Бог наводит тягчайшее нашествие иноплеменников. Ибо, пророчество - когда убьют, тогда будут искать Его. Это о Российской земле. Мы не хотим уклониться от зла и добро творить. Разгневался на нас Господь яростно и наказал лютейшей казнью. Попустил прийти на нас безбожному и бесчеловечному царю со своей поганой силой. И сокрушили силу христианских царей и князей. И города разорили! И землю опустошили и мечом, и огнём пленили. И никто не мог стать против безбожной их силы. Ибо пророчество! Если послушаете меня - благую землю получите, не послушаете - будете преданы мечу! Это было Слово! Но многие из Российских князей предали веру своя и поклонились идолам. И я задумал идти к самому несправедливому и жестокому на земле царю и дерзновенно проповедовать перед ним Христа. И кровь свою за Господа пролить. Душу свою за Христа положить и умереть. И меня первого причтёт Царь Небесный к лику святых мучеников... Меня первого причтёт... Первого...

И вспыхивают перед Михаилом два ряда огней. Как огненный путь в бесконечность.

И взрывается тишина ржанием и шорохами коней. Бряцанием оружия и звоном сбруи. Визгливыми выкриками монгол.

И пронзительные, неистовые, странные для нашего уха, возгласы перекидываются от голоса к голосу.

- Прибыл Черниговский Князь !!! Черниговский Князь !...

Князь... Кня-яя-зь... яязь... яяааазь...

Спокойно, властно, издали: “Проведите его как обычно! Пусть поклонится идолам! И станет передо мной! “

Близко к Князю Михаилу, грубо и повелительно: ”Зовёт Великий Царь! Иди!“

Михаил стоит перед проходом между двух стен огней.

МИХАИЛ. (очень громко) Не подобает Христианину идти через этот огонь! Не пойду! И не поклонюсь вашим идолам! Я поклонюсь Творцу, Отцу и Сыну и Святому Духу, единому в Троице Богу, Создателю неба и земли!

И тишина...

Робко возле Михаила: “Здесь русские князья есть... Жалею мы тебя и беспокоимся о тебе.”

МИХАИЛ. (отвечает робкому голосу) Я с веселием жду мучения и готов умереть за Христа.

ТОТ ЖЕ ГОЛОС. Боимся мы царёва гнева и на нас... Исполни царёву волю, а то погибнем с тобой и мы. (с плачем) Молим все тебя! Избавь нас от лютой смерти! А воротишься восвояси - поступай, как хочешь.

МИХАИЛ. (отвечает с презрением) Нет! Не стану я на словах быть Христианином, а на деле оставаться поганью!

ГОЛОС. (молит) Не накажет тебя Бог! Видит Он, что поклонись ты идолам по принуждению.

МИХАИЛ. Примите славу этого мира! Я же её не хочу! (снимает с себя оружие и бросает)

Начинается и нарастает плач мужчин: “ Молим, молим... Избавь от лютой смерти... Не своей волей явились мы сюда...Молим...”

Визгливый злобный голос в лицо Михаилу: ”Отныне перед тобой жизнь или смерть!“

МИХАИЛ. Нет!!! Отныне передо мной земной позор или вечное Царство Небесное!

ВИЗГЛИВЫЙ ГОЛОС. Избери же одно из двух!

МИХАИЛ. Надеюсь на моего Бога, что даст он мне Царство Вечное!

ВИЗГЛИВЫЙ ГОЛОС. Ты умрёшь!

МИХАИЛ. Не боюсь той смерти, которая есть для меня приобретение и залог вечного пребывания с Богом! (снимает с себя одежду и остаётся в белом исподнем)

Крик ворона.

И людской крик, и визги, и вопли...

И обрушивается тьма... Не чёрная, а красная, кровавая тьма.

И тишина.

И тот самый вечный майский закат, многожды воспетый поэтами, когда воздух розов, матов и тёпл.

И светится, и парит в этом воздухе пространство, рукотворно отвоёванное у леса.

Слева - невидимая река. Пространство защищено от её диких вод деревянными обрубами в виде вертикальной свайной стенки. Возле стенки красивый чёткий силуэт мельницы - столбьянки. Крылья её (выше стенки) сейчас недвижимы. Мельница - это важно. Её неподвижность или движение - важно. Недвижимая сейчас мельница, застывшая мельница - это словно остановившиеся время.

На первом плане, справа, торцом к зрительному залу, боковая восточная часть сруба. Концы свесов кровли обработаны фигурной резьбой. Одно из брёвен свеса выпущено поболее, кронштейном выступает далеко из стены, как бы венчает боковую часть сруба. Вообще, видна часть сруба ровно до охлупеня, который здесь в виде конской головы.

На среднем плане, в той части переднего фасада, что видна зрителям, крыльцо.

В перспективе, на дальнем плане зелёное яровое поле.

И от мельницы, и от свайной стенки, и от сруба, и от смутно видного поля - ощущение новизны, нетронутости, добросовестности в созидании. Словно сам Господь Бог сотворил это только что. И ещё присутствует здесь, любит, радуется и гордится.

Горизонт, дальний и средний планы освещены отчётливее и пышнее, чем правая сторона переднего плана. Тут тень от торца дома. И поэтому, не сразу заметно присутствие человека в исподнем из небелёного холста, серовато-жёлтого в этом освещении. Цвет исподнего почти сливается с цветом новенького сияющего сруба и меркнет на этом фоне.

Человек этот, Михаил, стоит спиной к зрителям. У него довольно длинные густые седые волосы. Когда он повернётся, то обнаружится, что у него такая же густая и широкая белая борода.

Михаил стоит на лесенке. То есть, не совсем точно именовать лесенкой то, на чём он стоит. Это столбики, отстоящие не вплотную друг к другу, а на расстоянии трети шага. Каждый последующий столбик (в приближении к дому) чуть выше предыдущего. На самом высоком и стоит Михаил спиной к зрителям. Руки его на уровне кронштейна. На плоскости кронштейна кинжалом Михаил вырубает "пропуск". Заканчивает работу, отступает пониже на два столбика, запрокидывает голову и очень долго рассматривает дело рук своих.

МИХАИЛ. (читает "пропуск", может потянуться и поправить) Рубил дом с Божьей помощью Князь Киевский и Черниговский, Михаил, сын Всеволода Святославовича, прямой потомок Ярослава Мудрого. Начал... в году... одна тысяча двести сорок... седьмом... от Рождества Христова ... Сколько времени рубил дом, в точности сам не ведает... И ещё рубил двор...

Спускается, медленно обходит дом со стороны фасада, останавливается перед крыльцом.

МИХАИЛ. Вся изба разукрашена резьбой. Ёлочки, цветы, ветки и птицы промеж них. (изумлённо и долго рассматривает свои руки) Дело рук моих?! Нет... нет... Нет!!! (в отчаянье бросается на землю) Никогда прежде не резал я по дереву! И не глядел, как другие режут по дереву... (пауза в сомнениях) Не знаю... не знаю...

Невдалеке кукует кукушка. Сначала частит, а после всё реже роняет своё "ку-ку". Михаил замирает и вслушивается.

МИХАИЛ. Два... четыре... полдюжины... (задумывается) Где я? Не знаю. Кто я? Не знаю. И зачем здесь?.. Сначала было Слово... Какое Слово? Господь, помоги мне! Дай знак! (осеняет себя крестным знамением, поясню кланяется) Во имя Отца и Сына, и Святого Духа... (кричит с отчаяньем) Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!!! (Ждёт - нет ответа, только "ку-ку".) Вначале было Слово. Где это Слово?! Где?!?! Какое?! Слово!!! Дай знак, Господи! Только дай знак! Вот я - перед лицом Твоим, Господи, - Князь Киевский и Черниговский, Михаил, потомок... Нет!!! Слово!!! Слово? Вот я - перед лицом Твоим, Господи, - Михаил... Нет... Вот перед лицом Твоим, Господи... (кричит) Нет!!! Господи, помоги мне, дай же знак! (ждёт ответа, и снова только "ку-ку") Вот перед лицом Твоим, раб Твой... Слово! Вместо княжества моего и жены моей, вместо детей и слуг моих, вместо дома и утвари, вместо угодий и войск моих, вместо власти и храмов - вот! (словно самому Господу указывает на дом, на двор и на всё пространство вокруг) Дай мне знак, Господи! Дай же знать! Страшно в сомнениях. Отказался ли Ты от окаянной души моей и страстной моей жизни? Отказался ты, Господь, или нет? Где я? Живой - среди пустынного леса? Или, посредством мук моих и подвига моего, обрела душа моя бессмертие? Живой ли стою сейчас на грешной земле? Верить ли мне в тело моё? Или умер я? И тело моё лишь видимость? А есть одна душа моя в Царствии вечном? Господи! Жив я или бессмертен? (падает на колени) Господи, где я?! Кто я?! Живой и на земле? Или в Царстве Небесном? Ответь рабу Твоему! (ждёт, но только кукушка "ку-ку") Слово...

Поднимается с колен, обходит дом и двор, трогает всё, ощупывает.

МИХАИЛ. Где я? И верно ли, что построил всё это я сам? Видел!!! Видел, словно сверху себя самого - рубил я лиственницы, пилил, строгал... Стало быть, живой? И сам сотворил всё это вокруг себя?! Как смог? Ведь только лук и стрелы, кинжал и кистень знали руки мои во всю жизнь мою! Как же сумел я выстроить дом в два сруба? Как смог помыслить я, что если поставить одну стену, то скоро она сгниёт? И откуда во мне взялось рассуждение, что надо ставить две стены и промеж них заулочек, чтоб они проветривались?! (кричит) И откуда мне знать, откуда, что пустоты промеж стен надо заполнять гончарными горшками? Кто подсказал мне выкопать яму и выложить её камнями?! И не мыслил я так: зачем делаю? А мыслил: должно делать. И набрал на берегу глину и заполнил наполовину яму глиной. И доверху залил водой. И укрыл лопухами. И оставил надолго глину кваситься. И как узнал я, что довольно глине кваситься? И выдолбил деревянное корыто и вырубил деревянную лопатку. И рубил глину!!! И с полудня до заката топтал глину босыми ногами! И сложил глину в тень, на холодок. И ждал, пока побелеет и высохнет. А сам сложил из камней очаг и стал жечь берёзовые дрова. И лепил из глины горшки и клал на дрова. И оставил на ночь. А на рассвете вынул горячие горшки и очистил их от золы. И заполнил пустоты между стен этими горшками. (пауза) А из остатков глины сделал свистульку. (достаёт свистульку, долго вертит в руках, рассматривает, потом свистит в неё) Господи! Если я живой, то откуда мне знать, как обжигать горшки?! А, если я умер, Господи, и сейчас в Царствии Твоём, то почему так липла к рукам глина?! Я - живой или нет? Живой или нет?! Тело это или видимость одна? Вот, ущипнул себя. Нет боли! Не чуяло моё тело ни холода, ни сырости, ни снега, ни града, ни палящих лучей... Взор видел, а плоть не чуяла... Живой ли я? Во имя Отца и Сына, и Святого Духа - ответ! Мне бы только знать, Господи, живой ли я и на земле или в Царствии Небесном? Мне бы знать, Господи! Живой или нет? Вот и всё, Господи! Мне бы только знать! А, Господи? А?!

Крик ворона.

МИХАИЛ. А-а... Слово... И желал я мученического венца, как олень жаждет источника воды... Вспомнил! И причтёт Царь Небесный к лику первых святых мучеников! (поёт псалм) Мученики Твои, Господи, претерпели многие муки, и любовью своей соединили святые души ...

Кричит ворон.

МИХАИЛ. И устремились слуги мучителей на меня, как псы на охоте на медведя... (поёт) Мученики Твои, Господи, претерпели многие муки... И схватили меня как зверя и растянули на земле за руки и за ноги... (кричит) А-а-а-а!!!... И били по всему телу, и земля стала мягкая от моей крови... (стонет от реальности мучительных воспоминаний) Я - христианин, я - христианин... я - христианин... И враг христианский вынул свой нож и протянул руку, и взял меня за волосы, и потянул вверх мою голову... (задирает рубаху и рассматривает страшный рубец от горла до живота) И вот рубец от горла до живота... Я мёртв. Аминь! Я наследовал Царство небесное. Я принял страдание за Христа и ныне причислен к лику святых мучеников. Я не мёртв. Я бессмертен. И я здесь, среди Царства Небесного. Вот последняя истина... Соболи, куницы, горностаи, чёрные лисицы, туры, вепри, кабаны подходили и нюхали меня. Соколы, кречеты, гуси, куропатки, лебеди опускались подле меня. Не приблизятся они к живому!.. Но я полз! И всё равно - не было у меня плоти! Это дух мой стлался по земле! И полз неведомо куда на чей-то зов... Разве мог живой ползти по лесу? Где легко погибнуть целой рати?! Куда полз? Зачем? От чего бежал? От смерти?! Но смерти алкал сам! Я полз к бессмертию! Смысл моей жизни исполнен. Я замыслил подвиг и свершил. Зачем жить? Я свершил. И... умер!... Или я жив, Господи? Дай знак! Нестерпима мука сомнений! Нет ничего страшней, чем сомнения и неизвестность... И, если нет у меня тела, а одна видимость, то как же я пилил, строгал, обжигал горшки? И липла к рукам такая тёплая глина! (ощупывает себя) Нет, не чувствую тела! (бьётся головой о дом) Не чувствую! И дом, и двор, и мельница - тоже одна видимость! А что истина? В духе истина или в плоти? (пауза) Мой подвиг - вот, правда. Вот - единственная истина. Но где понять мне, что есть истина, если не знаю я, что есть я сам? Живой человек или бессмертный дух? Я ем. Нужду справляю. И это тоже видимость? Если я бессмертен, какой во всём этом смысл? А, если живой, зачем мне жизнь? Какой смысл в жизни, если свершён подвиг и исполнено предназначенье? Нет... нет... Я не живу. Будет весть, будет благая весть! (встаёт на колени, молится) Иисус, Боже Предвечный! Иисус, Царь Всесильный! Иисус, Владыко Долготерпеливый! Иисус, Спас Премилостивый! Иисус, Хранитель мой Всеблагой! Иисус, очисти грехи мои! Иисус, отыми беззаконие моё! Иисус, отпусти неправды мои! Иисус, Надежда моя, не остави меня! Иисус, Помощник мой, не отринь меня! Иисус, Создатель мой, не забудь меня! Иисус, Пастырь мой, не погуби меня! Иисус, Сын Божий, помилуй меня! Дай ответ! Дай знак!!!

И в тишину ожидания и отчаянья вступает соловей со своим разборчивым внятным “пуль, пуль, пуль, пуль, пуль...”

МИХАИЛ. Соловушка! (не встаёт с колен, забывшись, словно продолжая молиться, но уже соловью.) Соловушка...

Отработав добросовестно и талантливо одно колено, соловей, не смешивая звуков, переходит ко второму колену: “клы... клы... клы...” И далее - дробью, словно по меди дробь пригоршнями кидают... И, сразу раскаты - тррр... И снова внятно - плень, плень,

пленъ... И всё это длинно, отчётливо, сильно, на всё пространство вокруг, до небес изводит истомою - пленъ, пленъ, пленъ...

МИХАИЛ. Соловушка. И тогда пел Соловушка... Я воротился домой. С войны или охоты? Нет! Я воротился от отца Иоанна. Поучившись у него Евангелию и иным книгам. Причастившись Божественных тайн тела и крови Господней... И благословил меня мой духовник Иоанн и отпустил с миром и напутствием: “Господь Бог да укрепит тебя и да пошлёт тебе дар Святого Духа, чтобы быть тебе крепким в вере и дерзновенным в исповедании имени Христова, и мужественным в страдании.” И, радостный духом, и, с весёлыми очами, я вернулся среди ночи в свой дом. И пел тогда соловушка. А дом был тёмн. И редко, где в нём были оставлены малые огни. И все в нём спали. И соловей заливался.

Соловей как-то рассудительно перешёл к шестому колену и завёл протяжно: “Ленива ду-ууу-ууудка, ленива ду-ууу-ууудка, го-го-го, - и внезапно коротко, - ту! И снова - го-го-го, - и внезапно - ту! И после сильный звонкий непрерывный свист.

МИХАИЛ. И никто не слышит, что дитя плачет. Никто из спящих не пробудится, что дитя плачет. Я прошёл в чуланчик, взял дитя, вынес через горницу и сени во двор и присел с ним за амбаром, стал держать его над землёй, чтоб дитя свою нужду справило. И был мой сыночек во тьме такой беленький, словно Ангел Божий... И ножки тёпленькие, мягонькие...

Тишина. Пауза.

МИХАИЛ. (горько) Не допел Соловушка. Оборвал.

И, словно в ответ Михаилу, соловей гусачком - га-га-га-га-га
И, наконец, округлым сладким свистом, словно органчик или юла.

МИХАИЛ. Спасибо, Соловушка, спасибо, брат. (слушает) А дитё плачет в моих руках, крутится, не делает, что следует. Я - возьми и побей его! И крепко побил! Он испугался, обмер... И чуть слышно всхлипывает. Тут я проникся и угадал, что могучие комары терзают его тельце... Моя кожа огрубела, и им меня не проткнуть... А на его беззащитное невинное тельце накнулись... А я сразу не понял, соловушкой заслушался...

Соловей перешёл к своей кульминации. Нежно, малиново-тинь-вить, и отточка - тук! И снова - тинь-вить и тук! Две отточки в пол-удара, а потом россыпью, дробью, раскатом... И всё длинно, сильно, хватаяще за сердце.

МИХАИЛ. Сыночек мой... внимания не обращал... Сыночек... младшенький мой... Как зовут его?... Не вспомнить... Как зовут, не помню... А ударил! Сыночек, помнишь ли ты меня? Простил, забыл ли обиду свою горькую? Снёс ли ты несправедливость и грубую силу мою? Помнишь ли меня, сыночек мой? (Плачет) Под предлогом беседы с Богом, отвернулся я от чада своего. Но что молитва без любви? Хорошо желать вечности, но пренебрегать жизнью, - не грех ли? Вознесён я или наказан?... Дитя моё! Хоть раз услышать бы, как топают твои босые ножки по горнице... поддержать твою ладошку... Хоть бы раз! Обнять твою крохотную плоть... плоть от плоти моей... Но... если я в Царстве Небесном... нет у меня... надежды... Нет надежды, обнять сыночка! Что со

мною? Господи, неужели я так помыслить мог? Отдать всё Царствие Небесное за мгновенье живого объятья?!

За свайной стенкой слышен треск, шум. И всё это стремительно и агрессивно нарастает. И вот уже одну из секций стены раскачивает, выворачивает из земли и крушит чья-то невероятная сила. Михаил вскакивает и смотрит туда.

Стенка рушится. И предстаёт Медведица. Она рычит, вертит головой и вся сотрясается в злобе. Замечает Михаила и угрожающе надвигается на него.

МИХАИЛ. Медведица?! Что она означает, Господи? Какой знак? Какая весть? (Идёт навстречу Медведице без страха и с просветлённым лицом).

Медведица с рычаньем набрасывается на Михаила, валит его на землю, терзает и рвёт.

МИХАИЛ. (Кричит страшно) Мне больно, Господи! Мне больно! Я жив! Я жив! Господи, помоги мне! Я жив! Помоги мне, Господи!

Всё, то же... Только свайная секция так и лежит поваленной. Полдень. Неутомимо и страстно гудит шмель. Внезапно обрывает гудение. Изнутри дома доносятся стуки и хлопы. Распахивается дверь. Едва-едва стоя на ногах, держась за дверь, вступает Михаил на крыльцо. Схватившись за перила, спускается и садится на нижней ступеньке, расслабляется, подставляет лицо солнцу.

МИХАИЛ. Солнышко... Тепло... Свет... Солнышко, родимое... Слово? На каком же слове остановилась душа моя? Сыночек... Что сыночек? Не вспомню, как звали... Зачем это меня так тревожит? Что мне теперь в имени его? Не то меня тревожит... Не имя... Сыночек... Сладко и больно думать о тебе. (Внезапно подымается, поражённый мыслью) Вот... Солнышко... Тепло... Тёплое тельце... Не-ет, жаркое красное тельце! В жару сыночек. В болезни и поту он был. Вспомнил! В болезни покинул я его! Он метался и хрипел, и тосковал. Я перекрестил его невнимательно и пошёл прочь от него на подвиг свой. А что случилось с сыночком моим? Что? Жив или умер? Почему спешил я? Почему спешил от плоти своей, от сыночка своего, страдающего и беспомощного? Зачем и куда бежал я от дитя своего? И подвиг мой превыше ли мук дитя моего? И не выше ли всякого подвига любовь к чаду своему? Или, в гордыне впал я в беспамятство? Сыночек мой! И всё Царство Небесное отдаю я ныне, чтоб побыть с тобой, хоть миг, повидать тебя, обнять тебя. Нет сокровищ, превыше единой улыбки твоей! И нет муки, горше слезы твоей! Где ты? Отзовись! Сердце исходит плачем. И плач мой по тебе, дитя моё!

В проломе появляется всё та же Медведица. Но теперь она двигается неуверенно, без энергии. На лапе у неё болтаются остатки колодки, и она ими за всё задевает. Медведица крутит головой и замечает Михаила. И уже движется направленно, на него. Михаил, не спуская глаз с Медведицы, нашаривает у себя за спиной на крыльце топор и берёт его обеими руками.

МИХАИЛ. Иди, иди сюда, дьяволица! Иди, я тебя расцелую! (С усилием поднимается, с трудом держится на ногах и едва удерживает топор - видно, не борец он сейчас)

Медведица идёт на Михаила. Но странна она. Передвигается, словно во сне, без злобы, без агрессии. Непонятно, понимает ли она вообще, что перед ней враг.

МИХАИЛ. Давай, давай, Хозяйка, жду тебя и хлеб-соль приготовил!

Медведица останавливается перед крыльцом и издаёт рычание, больше похожее на стон. Михаил вздымает топор. Но ударить не успевает. Медведица раньше обрушивается ему под ноги. Дёргается всею тушей и замирает.

Михаил толкает её осторожно ногой. Замахивается, чтобы вдарить топором по голове, но от слабости сам роняет топор через перила за крыльцо, вне досягаемости для него же. Обходит медленно Медведицу, разглядывает.

МИХАИЛ. Медведица-то матёрая... вся искалечена, а сумела уйти от охотников... Вся моя жизнь прошла то на ратном поле, то на отъезде... Вот на такой медведице пробовал я охоту с выученными барсами. По-татарски. Не понравилось мне... тогда такая же медведица прокусила у самого колена подкладь, вскочила мне на бедро и повалила вместе с конём. На всём скаку упал с коня, разбил голову, ранил руки, ноги... едва без глаз не остался... Нет выше утехи и веселья, чем охота! Сидеть на красавце-аргамаке, в ладном коротком, шитом золотом кафтане. А на голове шлем с двумя козырьками, спереди и сзади. А из козырьков, как чудные перья, торчат две золотые пластины! И качаются взад-вперёд. И сверкают на раннем солнце золотым блеском! А у пояса нож, кинжал, а за поясом кистень с металлическим привесом! И аргамак роскошно убран! А

за спиной до полутьмы всадников в чёрном и жёлтом! А за ними псаря со сворами гончих и борзых. И стоном стонет всё от лая собак, от воплей и от охотничьих рогов. И вот так: с лова на битву и с битвы на лов! Князь, или воюет, или, охотится. И храбр, и удал, и неумолим! Охотники, рогатники, ловчие, псовники, выжлятники, зверовщики, медведники, трубники, конные, стремянные... И все в одном платье... Собаки рвутся, кони фыркают, звенят серебряными наборами... Синие, чёрные, малиновые кафтаны сверкают на зелёной траве, словно ядовитые цветы. Звенит труба! И на войне, и на ловах, ни ночами, ни в стужу, ни в зной, не давал я себе упокою! И бульдогами травил медведей! И шёл против медведя с рогатиной, или с ножом! Вот, стихия жизни! Вот, поприще богатырских подвигов! Вот, веселие! Вот, восторг! Вот, радость! Вот, живая жизнь! Вот, истина!

Медведица шевелится. Михаил, не спуская с неё глаз, добирается до топора и подымает его. Медведица приподымается, и теперь явно осознанно глядит на Михаила. Михаил замахивается на неё, но... застывает в ужасе, потому что

МЕДВЕДИЦА. (Человеческим голосом) Живая жизнь?

ПАУЗА.

Михаил оторопело глядит на Медведицу, потом начинает озираться по сторонам.

МИХАИЛ. Кто здесь? Выйди!

МЕДВЕДИЦА. Это радость? Это истина?

МИХАИЛ. (Заикаясь) Это ты... говоришь по-человечески?

МЕДВЕДИЦА. Говорю. Ну и что? Что мудрёного, говорить по-вашему?

МИХАИЛ. Ты дьявол! (Быстро крестит её) Господи Иисусе, спаси и помилуй меня.

МЕДВЕДИЦА. Не маши топором! Не велика честь для Князя! Я и сама умираю. Послушай лучше, что расскажу перед смертью.

МИХАИЛ. Ты дьявол в медвежьем облици. (Крестит её)

МЕДВЕДИЦА. Ох, не маши ты руками перед моей мордой!

МИХАИЛ. Скажи, почему не боишься крестного знамения?

МЕДВЕДИЦА. Да не маши ты перед мордой-то! Я - то, что видишь перед собой. Я - Медведица.

МИХАИЛ. Я брежу. Я болен. У меня видения.

МЕДВЕДИЦА. Если я - видение, то какой урон могу нанести тебе? Потрогай меня!

Михаил ощупывает её.

МИХАИЛ. Верно. Медведица. На лапе остатки капкана.

МЕДВЕДИЦА. Убедился? Теперь выслушай.

МИХАИЛ. Да как же это? Как это так? Что же ты за медведица, что по-человечески молвишь?

МЕДВЕДИЦА. Эка невидаль! Да любой зверь по-человечески понимает. А коли постарается, легко может говорить. Да только один глупый скворец перед вами этим хвалится. Будешь ты слушать меня? Я ведь умираю.

МИХАИЛ. Говори.

МЕДВЕДИЦА. Вот ты давеча горячился и распаял себя - до чего весело мучить и убивать! Вот, молодецкая радость! Меня затравили бульдогами. Весело тебе на меня смотреть? Я бы не далась. Где им взять меня? Я бы этих бульдогов легко разодрала. Да нельзя мне было! Надо было увести их от моего сыночка, подальше, подальше в сторону. Сыночек мой мал и беззащитен. И я уводила, уводила, дальше, дальше... И тогда напустили на меня множество собак. А я всё уводила. И увела всех, и собак, и людей, далеко-далеко от сыночка. И тогда они сумели наброситься на меня, и терзали, и рвали.

И засадили меня в яму. И там я зализывала свои раны и тосковала по сыночку, и металась в тревоге за него, и хрипела от ненависти к людям. И выпустили меня из ямы. А кругом всё загорожено. А за оградой всё люди, люди... Кричат, в барабаны бьют, палками в меня кидают. Напустили двух собак величиной с матёрых волков. Я их разодрала. И тогда вышел против меня в красной рубахе и с рогатиной. Переломила я рогатину, переломила ему шею, разметала всех с пути и умчалась в лес. И я мчалась к дитю своему, и кто пробовал меня остановить, жив, не остался. И, вот, тогда и ты случился на моём пути. Зачем хотел задержать меня? Что тебе до меня? Что сделала я тебе? Видел ли ты от меня зло? Зачем встал поперёк пути моего к сыночку моему?

МИХАИЛ. Я не знал про себя тогда - жив я сам-то или нет. И не думал я так: вот медведица. Я думал, Бог послал мне тебя как знамение, как весть. Я, может впервые в жизни не думал так: вот я человек, а вот передо мной зверь. Я думал - вот живое идёт ко мне. И я пойду живому навстречу. Я сам не знал - жив я или нет. И только из-за тебя понял - жив.

МЕДВЕДИЦА. А я шла сквозь лес и одно лишь знала - найти след моего сыночка. И учуяла, что жив он, и пошла по следу, и нагоняла уже его... и тут, забывшись, угодила лапой в капкан! И стала цеплять капканом за деревья и кусты, и металась, и вертелась во все стороны, и грызла свою ногу, и хотела оторвать, как умеют это зайцы и лисы. Видал ты лис о трёх ногах?

МИХАИЛ. Приходилось. Попадались.

МЕДВЕДИЦА. А я не сумела, только силы потеряла и себя искалечила. Тут набросился на меня волк. И мы сцепились намертво. И рвали друг друга за горло. Но я стремилась к сыночку и одолела волка. Волк уполз от меня, оставляя кровавый след. И пошла я с капканом. И за всё задевала, и продвигалась медленно из-за капкана и слабости своей. И старалась выбраться на редколесье или поляны. Но тут нагнал меня охотник с дубиной и бил, изловчась, по голове и по хребту, и загонял в лес, где погуще. И день гнал, и ночь гнал. И голова моя разбитая кружилась от мерзкого запаха его пота. И только раз, или два, удалось мне оттянуть лапой его по голове и по шее. А капкан застрял и не пускал меня. Охотник прятался за деревьями и орал громким голосом. И поспели ещё двое на его крик. И долго возились вокруг меня и изловчились всё-таки просунуть длинную палку под дугу капкана. Будь они прокляты! И прижали меня к земле... Остановили! А потом закинули петлю на шею и затянули. И всё забыла я, задохнувшись... и только помнила - сыночек... и слёзы катились из глаз моих и разъедали шерсть. Сыночек! Чуяла я, как держат меня за уши и натягивают намордник. И тащат на верёвке. Но сердце сжимала худшая тоска... Чуяла, сыночек слаб и нездоров, пропадает без меня... и не увижу его больше никогда. Бросили меня как падаль, даже на шкуру разодранную не польстились. Но я поднялась. И пошла. И сбила намордник. И вот я перед тобой с верёвкой на шее и с колодкой на лапе... Тебя рвала, тебе же и досталась. Чую, пропал сыночек, погиб... Я умираю, потому что не хочу жить. И мстить не хочу. Что мстить? Не вернуть сыночка!

МИХАИЛ. И я потерял сыночка... по воле своей. Но понимал ли, что теряю? И неужели путём столь невероятных страданий смог я достичь простой любви к чаду своему? Той любви, что у Медведицы всегда была без размышлений и усилий? И разве лишь через Бога человек познаёт любовь? И разве лишь путём страданий приходим мы к любви?

МЕДВЕДИЦА. Прошу тебя! Сними колодку и верёвку. Хочу умереть, чтоб ничего мне не мешало, не отвлекало от печали по сыночку. Вы, люди, жить мешали, хоть умереть помогите! Я ненавижу тебя и презираю, но я и прошу тебя - помоги умереть! Покою хочу, покоя!

МИХАИЛ. Нет, хозяйка, нет, не дам тебе умереть спокойно! Не дам, слышишь, не дам!

Всё то же. Но теперь ясный осенний день. На свайную стенку клонятся тяжёлые подсолнухи. С выси несутся птичьи переклики. Возле мельницы ряд коробов.

Из глубины поля идут к мельнице Хозяйка с огромным коробом в лапах и Князь с коробом на спине. Устанавливают коробы в ряд.

Князь задирает голову, глядит в небо. Хозяйка опускается на четыре лапы, смотрит на Князя, потом вверх, туда же, куда Князь, потом снова на Князя. Снова задирает морду к небу и уже совсем изумлённо рассматривает Князя.

ХОЗЯЙКА. Князь, ты чего?

КНЯЗЬ. Что?

ХОЗЯЙКА. Чего морду кверху задрал?

КНЯЗЬ. Гляжу.

ХОЗЯЙКА. Вверх?

КНЯЗЬ. На небо.

ХОЗЯЙКА. А чего на него глядеть?

КНЯЗЬ. Птицы улетают.

ХОЗЯЙКА. И не смотри, не получится. Нам тех птиц не достать!

КНЯЗЬ. Да я просто смотрю на птиц.

ХОЗЯЙКА. Как это - просто смотришь?

КНЯЗЬ. Смотрю и думаю.

ХОЗЯЙКА. А чего про них думать? Эти птицы нам не опасны! И пользы от них никакой. Что за дело тебе до них?

КНЯЗЬ. Летят. И никто не знает, куда летят. И никто никогда не узнает.

ХОЗЯЙКА. Да всем известно, куда летят! В сторону, где всегда лето, полно пищи и нет опасностей. Но долетят не все. Половина в пути сгинет.

КНЯЗЬ. Получается, летят в своё птичье Царствие Небесное.

ХОЗЯЙКА. Перезимуют, а весной обратно. И ещё половина в пути погибнет.

КНЯЗЬ. Что же гонит их обратно из Царствия-то Небесного?

ХОЗЯЙКА. И почему медведи не летают? Эх, разбежалась бы с горки и полетела над рекой! И летела бы, летела... Как заягу, бывало, в берлогу, так и снится мне всю зиму, что летаю... И так вырастаю во сне.

КНЯЗЬ. И пролетят они над моими землями... Запрокинет головку мой сыночек и станет глядеть им вслед.

Хозяйка всхлипывает.

КНЯЗЬ. Почему вы, звери, с нами, людьми, говорить не хотите?

ХОЗЯЙКА. А для чего говорить-то нам?

КНЯЗЬ. Если б меж людьми и зверьём разговор пошёл, то мир и благодать воцарились на земле.

ХОЗЯЙКА. Вот вы, люди, говорите же промеж себя! А всё равно, ненавидите друг друга, мучаете, убиваете. Говорить с вами, себе вредить. Больше про нас узнать сможете. Станете ещё опасней нам. И не только поступками убивать начнёте, а и словами уничтожать приносите. Слово! Велика его сила! Вы, люди, владеете этой силой. Вы словом и обманываете, и убиваете, и в рабстве держите. А для нас, зверей, слово только забава. Вот небо. Знаю я слово “небо” или, не знаю, а вот, оно небо всегда для всех было и будет. И зачем слово? Вот, оно небо. Есть слово, нет слова... А, ведь, словом можно небо у всех отнять. Вы, люди, и этому научитесь.

КНЯЗЬ. Птицы! Птицы, заберите меня с собой!

ХОЗЯЙКА. Не заберут! Никогда они тебя не заберут!

КНЯЗЬ. Да знаю я!

ХОЗЯЙКА. Да и летать ты не умеешь!

КНЯЗЬ. Верно!

ХОЗЯЙКА. Тогда зачем слова эти? Обман! Пустота!

КНЯЗЬ. Душа, душа плачет и за птицами рвётся. Душа рвётся, а плоть не пускает!

ХОЗЯЙКА. Опять пустота! Где душа? Покажи! Нету?

КНЯЗЬ. И есть, и нету. То есть, то нету. И так всегда! Птицы, возьмите меня с собой! Журавли-ииии!...(другим тоном) Журавлей едим в мясоед. Без уксусу, соли и перцу. Без имбиря и пряного зелья! С гречневой кашей! (Увлекается) Утки летят... с огурчиками! Гуси! С пшеном сарацинским! Курочки летят. Бескостные... петушки, рассольные... зайчики в лапше!

Хозяйка внезапно сильно толкает Князя. Тот падает.

КНЯЗЬ. (Вскакивает на ноги) Ты чего, Хозяйка? Дерёшься зачем?

Хозяйка снова толкает. Князь пытается удержаться, но Хозяйка ещё раз толкнула, и Князь летит кубарем.

КНЯЗЬ. На что сердишься? Чем обидел тебя? Побороться хочешь? Твоя сила против моей ловкости?

ХОЗЯЙКА. Поборемся!

КНЯЗЬ. Но, чур уговор! Я против тебя с голыми руками. Но и ты костей-то мне не ломай!

ХОЗЯЙКА. Начинай!

КНЯЗЬ. Иди ты на меня, Хозяйка! Я приму!

Медведица поднимается на задние лапы и рычит. Князь переступает с ноги на ногу, подскакивает, не сводя с неё глаз, держится поближе к коробам. Топчутся оба, приплясывают, кружат друг перед другом. Хозяйка грозно рычит. Явно боевой клич.

КНЯЗЬ. Ой-ёй-ёй! Напугала, Хозяюшка! Ой-ёй-ёй, страху нагнала! Не рычи больше, а то сразу сдамся! Или, убегу! На дерево залезу! И, вместо борьбы, догонялки сладим!

ХОЗЯЙКА. Держись, Князь! (С рёвом кидается на него)

Князь ловко ставит ей на пути короб на короб. Хозяйка налетает и теряет равновесие. Князь отскакивает и успевает стукнуть её по заду.

КНЯЗЬ. Ой-ёй-ёй, удала Хозяйка! Ой-ёй-ёй, ловка Хозяйка!

Хозяйка прижимает его к мельнице, а Князь разбаловался, раздухарился, а когда спохватился, видит - бежать некуда.

КНЯЗЬ. Эй, Хозяйка, задавишь! Я же теперь брат твой, а ты сестра моя названная! Забыла? И глаза у тебя звериные! Иль, почудилось мне всё? Иль, не говорила ты по-нашему? И снова не понять мне, что есть, что нет... И сон ли всё, или совсем другое?.. Неужто, обман кругом? И этот свет Божий? И этот дом рукотворный? И урожай невероятный? Всё сон? Всё туман? Всё обман? Всё небытие? А что же истина непреложная? Лишь дитя моё - истина непреложная? Дитя - вот жизнь! Вот, смысл! Вот, ясность! Но нет со мной дитя моего! Так разорви же меня, Хозяйка! Ты зверь, я - человек. И никогда нам не сойтись!

ХОЗЯЙКА. (Отступает) Дитя... И тебя где-то дитя ждёт и плачет... И муки свои принял ты за дитя...

КНЯЗЬ. Нет.

ХОЗЯЙКА. Нет? А за что принял муки?

КНЯЗЬ. За Царство Вечное.

ХОЗЯЙКА. (Делает широкий жест) За это всё дитя бросил?

КНЯЗЬ. Я не знал тогда, что это и как это - Царство Вечное.

ХОЗЯЙКА. Сам не знал за что, дитя бросил?

КНЯЗЬ. Как объяснить тебе? Я тогда не постиг... Это никто не знает заранее... Это надо идти и постигать.

ХОЗЯЙКА. Идти, не зная куда, и дитя бросить? Но теперь ты знаешь уже, куда шёл. Ты пришёл, и ты покой обрёл?

КНЯЗЬ. Нет... Теперь совсем ничего не понимаю. И в сомнениях...

ХОЗЯЙКА. Сомнения - что это?

КНЯЗЬ. Ты не знаешь, что такое сомнения?

ХОЗЯЙКА. Не знаю. Скажи.

КНЯЗЬ. Это, когда не знаешь, что делать, что предпринять, как жить дальше.

ХОЗЯЙКА. Сомнения - это, когда никого не любишь?

КНЯЗЬ. Может ли быть велик подвиг, от которого нет другим пользы? И, не главное ли спасительное дело - служить ближнему во спасение? И не через тебя ли, Хозяйка, Господь уврачевал страсти мои? И осознал я, как люблю чадо своё? Я искал смерти и подвига, как пути в Царствие Небесное.

ХОЗЯЙКА. Смерти искал? Зачем? Смерть превыше дитя родного? Зачем?

КНЯЗЬ. Я помыслил пренебречь любовью и посягнул на жизнь свою. Ради Христа. И не довольно разве нам Его смерти? И разве не пограл Он Смерть не одною смертью своей, но и Словом? И Слово нам дал... Слово... Любовь... А что есть Любовь, если не обращена она в первую очередь на чадо своё? И что Слово, если не обращено оно в первую очередь к чаду своему? Всё пустота, обман, призрак... И всё совершенство рукотворное, что создашь, обман, - если не обращено к чаду своему...

ХОЗЯЙКА. (Трогает мельницу) Как велика у вас, людей, тяга к совершенству творений рук ваших. И как мало вы любите и много ненавидите в мире, сотворённом вами! Это сделал ты? Как?

КНЯЗЬ. Укрепил в земле столб. Смастерил вокруг прочную бревенчатую клетку. В ней помещается мельничный амбар. Сюда надо сыпать зерно.

Хозяйка подымает короб и высыпает в амбар зерно.

Князь берёт другой короб и высыпает в амбар зерно.

Хозяйка берёт третий короб, Князь подхватывает. И они вместе высыпают зерно.

КНЯЗЬ. А вращается потому что крылья из длинных брусьев, с укрепленными на них тёсинами. (спохватывается) Ветер! Да ветер же, Хозяйка! Ветер задул! Давай, Хозяйка, помогай! Ветер!!! Пусть мелет мельница!

Вместе с Хозяйкой поворачивает всё сооружение по ветру.

КНЯЗЬ. Не спеши, не толкай так сильно, соразмеряй... Как бы ветер не поломал нам крылья! Не спеши... А теперь двигай... Двигай! Быстрее! Пусть мелет мельница!

И вот уже двинулись в непрерывном беге, медленно подымаясь к небу огромные деревянные крылья.

Красив чёткий силуэт. Грандиозно движение. Победительно, утверждающе, надёжно и неостановимо.

И человек, и медведь глядят в небо на победу усилий своих.

ХОЗЯЙКА. Пусть мелет мельница! Прощай, Князь! Ухожу от тебя.

КНЯЗЬ. Да ты чего, Хозяйка? Зачем? Не покидай меня! Я не могу один.

ХОЗЯЙКА. Нам нельзя быть вместе. Ты - человек. Я - зверь. У меня своя жизнь. У тебя свой путь. Вместе возможно для нас лишь мгновенье. Но я всегда буду знать, что есть хотя бы один человек на земле - не враг мне. И буду жить с утешением. А почему стоишь на месте ты? Где твой путь? Что твоя жизнь?

КНЯЗЬ. И не знаю я отсюда дороги к сыну. Через смерть я перешёл, чтоб уйти от него. И не знаю, как обратно.

ХОЗЯЙКА. Легко найти дорогу по земле.

КНЯЗЬ. Я перешагнул через смерть и не умер. И не может быть для меня Воскрешения. Как воскреснуть тому, кто не умирал?

ХОЗЯЙКА. Не понять мне тебя, не понять.

КНЯЗЬ. Ты ведь только слова понимаешь, Хозяйка. И не можешь ты помочь мне. Слово. И знаю я теперь - Слово. И проникся я любовью. Но где моя дорога?

Медведица рычит.

КНЯЗЬ. (Кладёт ей руку на загривок) Не бросай меня навсегда, Хозяйка. Ибо, без тебя - один остаюсь.

Медведица рычит.

КНЯЗЬ. Буду искать тебя. И к любой медведице отныне подойду, открыт и беззащитен. Ибо, искал Царствия Небесного вне дома своего и обрёл одиночество.

Медведица рычит грозно. Князь отнимает руку. Стоит и грустно глядит на неё. Медведица отступает и на четырёх лапах идёт прочь. Вертятся крылья мельницы.

КНЯЗЬ.(подходит, опирается на свайную стенку, глядит вслед медведице) И, вот она понюхала воздух, прижала уши и пошла прочь от меня... Медлительно, вперевалку, тяжело ступая своими больными лапами на полные подошвы... Она пройдёт поляну по той тропе, что протоптала для нас двоих... Минует большое дерево на краю поляны... Сколько раз Хозяйка отдыхала, опираясь на ствол этого, поваленного грозой дуба... Трава и цветы тогда наполовину скрывали её. А теперь я вижу её всю. К чему она прислушивается и принюхивается? И не оглянется! И вот уже скрывается из виду, спускается к реке... И ненадолго останутся на прибрежном песке кружевные отпечатки её лап... А я жадно стремлюсь запомнить всё-всё, каждое её движение, потому что больше никогда не увижу её. Теперь она, должно быть, вступает в воду... Туда, где в середине лета густо шёл к нерестилищам лосось. Мы тогда стояли с Хозяйкой рядом в рыбном угодье и выбрасывали на берег добычу. И множество других ещё медведей теснилось в быстрине. И не один медведь не покосился на меня и не тронул выловленного нами. Они и виду не подавали, что раздражены моим присутствием. Рыбы хватало всем. Рядом со мной была Хозяйка. Медведи, в отличие от людей, чтут своих собратьев... И в сердце своём навсегда запечатлею твой облик, Хозяйка! Этот вытянутый вперёд узкий нос, неподвижные уши, почти спрятанные в густой шерсти, длинные космы на широкой груди... И медлительный поворот тяжёлой головы... Совсем седой, больной головы... Прощай, Хозяйка! Я люблю тебя, Хозяйка! Вот Слово! Слово не за тем, чтоб умирать ради него, а затем, чтоб жить и любить. Так что же - нет места подвигам на этой земле? И всякий подвиг - есть зло? И движение жизни должно питаться лишь любовью? У тебя есть ответ, Хозяйка! Зачем уносишь ты свой ответ прочь от меня?.. Не потому ли, что каждый должен найти этот ответ сам?!

Снежное поле или чистое белое пустое пространство. И посреди - Князь. В том же белом исподнем.

И раздирают пространство гортанные злобные крики монгол. И отчаянно ржут кони. И гремит железо.

И словно неумолимым кольцом, сжимает Князя смерть.

КНЯЗЬ. И желал я мученического венца, как олень желает источника воды... И, вот, нет выбора, ибо я уже выбрал ранее... И теперь знаю свой мученический путь... Но знаю лишь, что предстоит телу моему... И опять не дано мне знания, куда этим путём придёт душа моя. И верно ли стремиться к Царствию Небесному, покуда не знаешь, каково оно и где оно? И не должно ли созидать Царствие Небесное в собственной душе? И если б мог я ещё раз выбирать, то просил бы - дай мне, Господи, коснуться тёплых ладошек дитя моего! И с этого тепла начал бы созидать Царствие Небесное! И познал бы светлую радость... и дарил радость ближним своим... Господи, прости меня! Ибо понял, что не для мученичества, но для радости жив я... И к радости стремлюсь! Господи, прости меня! Дай знак, Господи, дай знак!

Вдали появляется Медведица и очень медленно приближается к Князю. Князь устремляется, было, ей навстречу, но замирает и пятится от неё.

КНЯЗЬ. Вот - Хозяйка! (Кричит изо всех сил ей) Уходи отсюда! Поди, прочь!!!

Медведица медленно приближается к нему. Вид её безучастен.

КНЯЗЬ. Прочь от меня!!! (Машет топором) Прочь! Зарублю!!! Прочь!!!

Медведица подходит совсем близко.

КНЯЗЬ. Не подходи! Убью!!! (машет топором)

Медведица валит Князя, прижимает к земле и склоняется над ним.

КНЯЗЬ. (Поднял голову) Хозяйка, беги отсюда! Что тебе жизнь моя? Меня уже и сейчас нет среди живых! Я ещё дышу и чувствую только затем, чтоб претерпеть нечеловеческие муки. И жду их в содроганиях подлого страха и отчаянья. И только одно помню - не видать никогда мне больше дитя моего! И как он без меня, слабый и беззащитный? И только одним отчаяньем ещё теплится душа моя. И к этим мукам я стремился сам. И тебе, Хозяйка, ведомы эти муки. Хоть ты к ним и не стремилась. Так беги же! Не то погибнешь из-за меня и ты! Слышишь, всё ближе подступают изверги! И вот-вот найдут дом мой и не увидят в нём меня, и станут искать. А всё вокруг бело и чисто. И каждый след виден ясно - и мой, и твой. Так беги же, Хозяйка, ибо ты-то ведаешь, куда бежать! А я не знаю, в какую мне сторону. И легко меня догонят! Беги, Хозяйка! Спасайся! Я буду любить, и помнить тебя в свой последний час! И когда прошепчу -"прощай, жизнь!, это будет -"прощай, Хозяйка!" Беги! Спасайся!

ХОЗЯЙКА. (Рывком подымает Князя на ноги) Нет, не дам тебе умереть! Вот река! И ты пойдёшь по льду до устья.

КНЯЗЬ. (Отрицательно качает головой) И легко догонят меня на конях!

ХОЗЯЙКА. Не выдержать льду коней с всадниками!

КНЯЗЬ. Они догадаются спешиться.

ХОЗЯЙКА. Взгляни на небо!

КНЯЗЬ. Что мне небо? Я не жду спасения оттуда.

ХОЗЯЙКА. Я не предлагаю тебе ждать невозможного. Взгляни на небо и пойми - вот-вот, пойдёт снег и заметёт твои следы. И здесь не останется следов твоих! Крепок дом твой. И я запрусь в нём. И ни один враг не ворвётся туда. И не достанет меня поганым мечом. И сгину я не в кровавом месиве, а в чистом огне. И из смерти моей родится чистая радость для тебя! Молчи! Ибо смерть должна рождать радость. Иначе, зачем приходим мы на эту землю? Зачем живём? И ради чего уходим?

КНЯЗЬ. Это несправедливо. Я не приму твоей жизни, Хозяйка!

ХОЗЯЙКА. И выше справедливости любовь. И любовь - это свет в Царствии Небесном. А без любви и по Царствию Небесному во мраке блуждать будешь и не узнаешь Царствия Небесного. И указываю путь для плоти твоей! А для души ищи сам! И знаю, что это один и тот же путь. Иногда плоть ведёт по нему, иногда - душа. Но путь один! И лгут утверждающие, что ведомы им разные пути! Найди и ступай по нему, сжав ладошку дитя своего! Укрепись и иди!

И всё ближе подступает многоголосый рёв и мечущиеся огни. Хозяйка поворачивается и, не оглядываясь, идёт прочь, туда - к голосам и огням.

КНЯЗЬ. (Вслед ей) Хозяйка!!!

Но она уже ушла, словно отторгнув Князя от неумолимого грома и смертного огня. И всё это оборачивается музыкой, сначала грозной, а после просто мощной и величественной. И пошёл снег. И Князь уже почти не виден в своём белом среди снегов.

КНЯЗЬ. И я иду. Тело моё терзает холод, и лёд рвёт ступни. И я иду, и мужество в душе моей. Я дойду к сыну моему, ибо жизнью твоей, Хозяйка, оплачен мой путь. И не могу я пренебречь любовью и жизнью твоею и растратить их. И за спиной у меня бесчисленно надежд, страданий, заблуждений, страстей и любви... И поэтому, я иду... Я иду!

КОНЕЦ